

УБИЙСТВО НА ЛАЙНЕРЕ

ДЕТЕКТИВ

ЕКАТЕРИНА МУНТЯН

Екатерина Мунтян

Убийство на лайнере

«Автор»

2026

Мунтян Е.

Убийство на лайнере / Е. Мунтян — «Автор», 2026

Океан. Роскошный лайнер. Убийство, которое невозможно скрыть. Генри Рид собирался провести шесть спокойных дней на борту «Aurelia» — без расследований, подозрений и чужих тайн. Но всё меняется, когда в закрытой каюте находят тело молодой женщины. Корабль идёт через шторм, до берега далеко, а убийца всё ещё находится на борту. Генри Рид берётся за расследование. И вскоре понимает: среди пассажиров нет случайных людей. У каждого есть мотив, у каждого — что скрывать, а роскошный лайнер хранит тайну, о которой некоторые готовы лгать, шантажировать и убивать. Кто была погибшая на самом деле? Почему она оказалась на борту «Aurelia»? И кому понадобилось заставить её замолчать? Пока лайнер движется сквозь океан, Генри шаг за шагом восстанавливает последние часы жизни жертвы. Он не доверяет словам и ищет то, что невозможно подделать.

© Мунтян Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ПОСЛЕДНИЙ ТРАП	5
ГЛАВА 2	14
ВЕЧЕР В ОТКРЫТОМ МОРЕ	14
ГЛАВА 3	21
КАЮТА ТРИСТА СЕМНАДЦАТЬ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Убийство на лайнере

ГЛАВА 1

ПОСЛЕДНИЙ ТРАП

Генри Рид стоял у массивной причальной тумбы, чугунный бок которой покрывала темная, потрескавшаяся от времени краска. У его ног покоился дорожный саквояж из тёмно-сафьяновой кожи — единственный багаж, который он взял с собой.

Сырой прибрежный воздух проникал сквозь тёмное шерстяное пальто, оставляя на отворотах мелкую сетку холодного конденсата. Порт номер четыре наполнился тяжелым шумом: скрипели дубовые сходни, звенели чугунные цепи палубных лебёдок, а над пирсом висел плотный пар, смешанный на запахе морской соли, мазута и каменного угля.

Генри не проявлял спешки. Вокруг него бурлила суeta: носильщики в промасленных жилетах сгибались под тяжестью обитых латунию сундуков, портовые полицейские отгоняли зевак, а экипажи с грохотом осаживали коней у самого края настила. Для Генри эта поездка не была работой. После шести месяцев изматывающих расследований в Лондоне и Беллмуре, состоявших из поиска беглых должников, проверки фальшивых векселей и бесконечных разговоров с испуганными людьми, он просто хотел сделать перерыв. Шесть дней плавания до Саутгемптона казались ему идеальным местом, где можно не задавать вопросов, не искать чужих ошибок и не всматриваться в выражения лиц.

Перед ним возвышалась «Aurelia».

Генри несколько секунд просто смотрел на судно, не делая попытки двинуться дальше. За годы работы ему доводилось видеть самые разные корабли — грузовые пароходы, буксиры, старые полицейские катера, суда, которые выглядели так, словно держались на воде исключительно благодаря упрямству своих владельцев. Но «Aurelia» была другой.

Она не просто стояла у причала. Она как будто принадлежала ему.

В её высоком корпусе не было ничего суетливого. Всё выглядело рассчитанным заранее: положение сходней, движение матросов, багажные тележки, люди в форме, встречающие пассажиров. Даже пар, поднимающийся над водой, казался частью тщательно поставленного спектакля.

Генри вдруг поймал себя на мысли, что ему это нравится.

Не роскошь сама по себе. Порядок.

Порядок был тем, что он всегда ценил в жизни больше всего.

Он перевёл взгляд с корпуса на пассажиров. Богатые люди входили на судно с тем спокойствием, которое появляется у человека, уверенного, что деньги способны купить не только комфорт, но и безопасность.

Пассажирский лайнер казался не кораблем, а выросшей прямо из воды черной стальной стеной. На уровне третьей и четвёртой палуб ровными линиями блестели ободки закрытых иллюминаторов. Из двух гигантских труб, наклоненных к корме, поднимался ровный, серый дым, который ветер медленно относил в сторону открытого моря.

Генри расстегнул одну пуговицу пальто, слегка оттянул белую накрахмаленную манжету и взглянул на левое запястье.

На потёртом тёмно-коричневом кожаном ремешке сидели старые наручные часы. Стрелки показывали 09:42.

Генри поднял взгляд на башенные часы, которые висели над входом в пассажирский терминал. Их черные чугунные стрелки показывали 09:46.

Разница составляла ровно четыре минуты.

Пальцы в тонкой кожаной перчатке привычно прикоснулись к рифленой головке завода, но не стали её вращать. Эти часы отставали на четыре минуты уже десять лет — с того самого дня, когда четыре минуты спешки, слепой уверенности и пренебрежения к мелкой детали стоили ему должности старшего детектива полиции и сломали судьбу невинному человеку. Часы на запястье оставались его личным правилом, напоминанием, которое он носил каждый день: никогда не спеши с выводами, всегда проверяй первую версию и помни про разницу между тем, что кажется очевидным, и тем, что есть на самом деле.

Во внутреннем кармане его пиджака лежал блокнот с заложенным внутрь простым карандашом. Но сегодня Генри даже не думал вынимать его. Он застегнул пальто, поправил поля фетровой шляпы, поднял саквояж и пошел к широкому парадному трапу первого и второго классов.

Трап был огорожен толстыми канатами в белой оплетке, а по обе стороны стояли матросы в белоснежных кителях. У самого входа в приемный вестибюль, под латунным гербом судоходной компании, стоял мужчина.

Томас Вейл встречал пассажиров лично.

Владельцу «Aurelia» было около пятидесяти четырех лет. Густые каштановые волосы с серебром на висках были гладко зачесаны назад, выточенные черты лица выражали абсолютную уверенность, а подровненные усы придавали ему сходство с отставным дипломатом. На нём был тёмно-синий двубортный пиджак из мягкого кашемира, светлые шерстяные брюки и идеально выглаженная рубашка с высоким воротничком.

В каждом его жесте просматривалась непринужденная грация человека, привыкшего распоряжаться миллионами и управлять сотнями подчиненных.

— Доброе утро, мистер Торн. Рад снова видеть вас на борту, — Вейл тепло и уверенно пожал руку пожилому джентльмену в цилиндре. — Ваша каюта на палубе Е полностью готова. Стюард уже поднял ваш багаж.

— Благодарю вас, Вейл. Надеюсь, на этот раз океан будет к нам благосклонен, — ответил пассажир.

— Сделаем всё возможное, сэр. Приятного плавания.

Вейл обладал редким свойством мгновенно запоминать имена и лица. Его улыбка казалась абсолютно искренней — так приветствует гостей хозяин богатого загородного поместья.

Генри ступил на полированные тиковые доски верхней площадки. Вейл повернулся к нему, его серые внимательные глаза на секунду задержались на лице Генри, с ходу оценив выправку и сдержанность нового гостя.

— Доброе утро, сэр. Позвольте ваш билет.

Генри протянул сложенный бланк. Вейл мельком взглянул на строчки.

— Мистер Рид. Палуба С, каюта двести четырнадцать. Прекрасный выбор — в центральной части судна бортовая качка практически не ощущается. Проходите к Парадной лестнице, стюарды направят вас.

— Благодарю вас, мистер Вейл, — спокойно ответил Генри.

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход семейной паре с детьми, но не стал сразу уходить в глубину корабля. Наблюдательность, вьёвшаяся в кровь за десятилетия службы, заставила его зафиксировать деталь, скрытую от большинства.

У дубового поручня прогулочной палубы, в шагах пятнадцати от трапа, стояла молодая женщина. На ней было яркое рубиновое пальто с пышным меховым воротником — слишком броское, слишком вечернее для сырого портового утра. Ей было не больше двадцати семи лет. Лицо её было привлекательным, но его портили натянутые губы и частый, неровный взгляд, который она бросала на Томаса Вейла.

Она стояла у поручня уже давно. Пальцы её левой руки в тонкой лайковой перчатке беспрестанно потирали полированную латунную головку заклепки. Каждый раз, когда Вейл улыбался очередному пассажиру, женщина слегка подавалась вперед, словно собираясь окликнуть его, но тут же сдерживала себя.

Вейл знал, что она там стоит. Генри заметил это по тому, как строго он удерживал голову вполоборота, ни разу не повернувшись влево. Это была демонстративная, отработанная слепога человека, пытавшегося игнорировать чужое присутствие.

Лидия Шоу — имя было отпечатано на ярлыке небольшой сумочки, стоявшей у её ног. Положение её пальцев, рваная мимика, слишком частые дыхательные движения — всё говорило о том, что эта женщина рассчитывала на совершенно иной приём.

В этот момент над портом проревел первый предупредительный гудок «Aurelia».

Низкий, тяжелый звук заставил вибрировать стальные листы палубы. Гудок означал пятнадцатиминутную готовность. На нижних уровнях матросы начали убирать грузовые сходни.

И именно в эту минуту у подножия трапа произошло событие, полностью сломавшее отлаженный сценарий посадки.

Со стороны портовых ворот, прорезав толпу носильщиков, на высокой скорости выехал автомобиль. Шины с визгом прокрутились по мокрой брусчатке, и машина остановилась у самого края дорожки.

Шофер в черной фуражке выскочил из-за руля и судорожно распахнул заднюю дверь.

На верхней площадке трапа Томас Вейл замер. Его фраза, обращенная к очередному пассажиру, оборвалась на полуслове. Улыбка не сошла с его лица — она застыла, превратившись в неживую маску.

Генри Рид отчетливо видел правую руку Вейла, лежавшую на латунном поручне трапа. Пальцы владельца судна сжались с такой силой, что костяшки под белой кожей мгновенно побледнели. Это продолжалось лишь секунду, но Генри этого хватило.

Из автомобиля поднялась женщина.

Ей было около пятидесяти лет. На шее был тонкий шелковый шарф глубокого винного цвета, темно-серое пальто безупречного кроя из плотной шерсти и скромная шляпка с густой темной вуалью, подколота серебряной булавкой.

В её движениях не было ни спешки, ни суеты человека, опаздывающего на корабль. Она ступила на мокрые доски причала с той спокойной, абсолютной уверенностью, с какой хозяйка входит в собственный дом.

Она подняла подбородок и посмотрела вверх — прямо на Томаса. На её лице не отражалось ни гнева, ни торжества. Это было сухое, выдержанное выражение.

За её спиной шофер уже передавал матросу два небольших кожаных чемодана. У неё не было с собой многочисленных сундуков или коробок для шляп. Она прибыла налегке.

Томас Вейл быстро вернул себе самообладание. Сделав ровный вдох, он спустился на три ступени навстречу.

— Маргарет... — его голос прозвучал мягко и глубоко, но Генри уловил в нем едва заметную фальшь. — Какая приятная неожиданность. Ты ведь писала, что останешься в Лондоне?

— Планы изменились, Томас, — ответила Маргарет. Её голос оказался чистым, ровным контральто. Она опиралась на его локоть, поднимаясь по ступеням. — Я решила, что морской воздух пойдет мне на пользу. К тому же... тебе не следует путешествовать в одиночестве, когда на судне собирается общество.

Она ступила на палубу «Aurelia» за пять минут до отхода.

Генри Рид перевел взгляд на девушку в рубиновом пальто. Лидия Шоу отступила в тень палубного навеса так резко, словно её ударили. Лицо её побледнело, а пальцы судорожно впились в ремешок сумочки. Она смотрела на Маргарет Вейл с неопишуемой смесью страха и подавленной ярости.

Маргарет же даже не повернула головы в её сторону. Она прошла мимо, едва касаясь плечом мужа.

Трап с грохотом начали втягивать на борт. Генри Рид поправил шляпу, подхватил саквояж и пошел по внутреннему коридору к Парадной лестнице. В его кармане лежал блокнот, но Генри мысленно дал себе жесткую установку: Это не твое дело. Ты пассажир. Забудь всё, что ты только что видел.

Внутреннее пространство «Aurelia» встретило Генри сухим, ровным теплом и запахом свежего лака, дорогой кожи и парфюмерии.

Парадная лестница была выстроена с грандиозным размахом. Томас Вейл принципиально отказался от установки пассажирских лифтов, считая их шумными, опасными механизмами, способными испортить аристократическую атмосферу судна. Вместо них через все вертикальные уровни проходил широкий деревянный марш из тёмного полированного ореха. Поручни были украшены латунной инкрустацией, а ступеням мягкость придавал толстый кремовый ковер, глушивший звук любых шагов. На каждой промежуточной площадке висели овальные зеркала в тяжелых резных рамах.

Генри спускался медленно, не торопясь и держась за прохладный поручень.

В зеркалах отражались десятки пассажиров: мужчины в строгих костюмах, дамы, поправляющие вуали, стюарды с багажом. Зеркала были удобным инструментом. В них можно было наблюдать за людьми, не привлекая внимания.

На площадке палубы С Генри едва не столкнулся с мужчиной, поднимавшимся навстречу.

Мужчине было около сорока лет. Сухощавый, выправленный, с коротко стриженными усами и жестким взглядом карих глаз. Он был одет в тёмный, строго скроенный костюм флотского типа. Каждая его деталь выдавала в нем кадрового моряка.

Капитан на секунду задержался, уступая Генри дорогу.

— Приветствую, сэр. Я Эдвард Грант, капитан «Aurelia». Ищите каюту? — его голос прозвучал сухо и отрывисто.

— Добрый день, капитан. Навигация выстроена безупречно, — ответил Генри.

— Скоро привыкнете. Запомните простое правило: правый борт — четные номера, левый — нечетные. Если возникнут бытовые вопросы, обращайтесь к пурсерам на палубе D. Приятного плавания.

Грант кивнул и пошел дальше вверх, к мостику. Генри проводил его взглядом сквозь зеркало на площадке.

Он отметил про себя несколько деталей: плечи капитана были чрезмерно напряжены, а на воротнике его рубашки виднелась свежая замятина от небрежной глажки.

Генри повернул в центральный коридор палубы С.

Здесь тишина была иной, чем в парадном вестибюле. Потолки ушли чуть ниже, а матовые электрические плафоны отбрасывали на тёмное дерево стеновых панелей ровный, янтарный свет. Пахло свежим лаком, мылом, сухим теплом из вентиляционных решеток и еле уловимой, тяжелой соленой сыростью, проникавшей сквозь форточки на концах пассажа.

Каюты двести четырнадцать находилась по правому борту.

Генри достал из кармана тяжелый латунный ключ с овальным брелоком, вставил его в замочную скважину и повернул. Механизм отозвался сухим, четким щелчком.

Внутри каюта оказалась скромной, безупречно прибранной и замершей в ожидании жильца. Односпальная кровать с тёмно-синим шерстяным покрывалом плотно прилегала к левой перегородке. У противоположной стены стоял письменный стол из орехового дерева, кресло с глубокой зелёной кожаной спинкой и узкий встроенный шкаф. В углу, у двери в отдельной умывальной ниши, белел фаянсовый умывальник с двумя отполированными латунными кранами.

Через круглый толстостенный иллюминатор виднелись серые, покрытые мелкой пеной воды портовой акватории и уходящие в туман силуэты причальных кранов.

В этот момент корпус судна вздрогнул.

Глубоко внизу, под настилом нижних палуб, ожили гигантские поршни. Казалось пробежала ровная, ритмичная вибрация. Хрустальный стакан в настенном гнезде у умывальника тихо зазвенел, накренился и встал на место.

Раздался третий, самый длинный гудок. «Aurelia» отчалила от стенки пирса.

Генри поставил саквояж на стул, расстегнул пальто, снял его и аккуратно повесил на деревянные плечики внутри шкафа. Он затворил дверцу шкафа.

Затем он отпер саквояж, достал плотный плоский сверток из промасленной бумаги, в котором лежал его собственный листовой чай, и маленький фарфоровый заварник, обернутый в чистое сукно.

Подойдя к двери, он нашел сбоку от косяка латунную кнопку и нажал её.

Прошло не больше полуминуты, прежде чем в коридоре раздались быстрые, легкие шаги. В дверь коротко и вежливо постучали.

— Войдите, — произнес Генри.

Дверь отворилась. На пороге стоял молодой парень в синей куртке стюарда с блестящими пуговицами. На вид ему было лет двадцать, у него были веснушки на переносице и аккуратно зачесанные каштановые волосы.

— Вызывали, сэр? — парень чуть наклонил голову, дернув рукой у виска.

Генри вынул из жилетного кармана монету в полкроны и положил ее на край стола.

— Мне понадобится кипяток, — сказал Генри, указывая на свой фарфоровый заварник. — Только чистый кипяток в отдельном чайнике. Без чайных листьев, без сахара и молока. Сможете приносить его сюда каждое утро ровно в семь тридцать?

Юноша взглянул на серебряную монету, затем на Генри, считывая его спокойный, непроницаемый тон.

— Будет сделано, сэр. Ровно в семь тридцать. Меня зовут Хьюз, стюард третьей секции. Если что-то понадобится дополнительно — мыло, свежие полотенца, свечи — только нажмите кнопку.

— Благодарю вас, Хьюз. На сегодня это всё.

Стюард забрал монету, вежливо кивнул и бесшумно закрыл за собой дверь.

Генри подошел к умывальнику, открутил латунный кран. Ополоснув лицо холодной водой, он вытер руки и щеки жестким вафельным полотенцем. Он расправил воротник белой рубашки, поправил жилет и вышел из каюты. Пришло время подняться в Главный ресторан.

Главный ресторан на палубе D поражал своими размерами. Зал тянулся через всю ширину судна, а его высокий потолок поддерживали двухрядные белые колонны с золочеными лепными капителями. Вдоль бортов располагались широкие прямоугольные окна, задрапированные тяжелыми кремовыми шторами с кистями.

Столы, накрытые идеально выглаженными скатертями, пустовали лишь наполовину — большинство пассажиров первого и второго классов уже заняли свои места. Слышался тихий перезвон хрусталя, сухой стук серебряных приборов и ровный, сдержанный гул разговоров, перебиваемый негромкой музыкой струнного квартета в конце зала.

Официант в белоснежном кителе проводил Генри к небольшому столику на двоих, расположенному у белой колонны по правому борту. Место оказалось удачным: колонна прикрывала его со стороны центрального прохода, но открывала отличный обзор на большую часть зала и входные двери.

Генри заказал бульон и запеченную речную рыбу.

Ожидая заказ, он неторопливо разглядывал полированную поверхность колонны. В её глянцево-краске, как в мутноватом зеркале, отражался соседний столик у самого окна.

За ним сидела женщина.

На ней было скромное тёмно-синее платье из плотного шелка с глухим воротником. На вид ей было около тридцати двух лет. Тёмные волосы были уложены в строгий, гладкий узел на затылке. Лицо отличалось правильными, суховатыми чертами, но привлекало внимание не это, а её глаза — необычно светлые, серые, с почти неподвижными зрачками.

Она сидела одна. Перед ней стояла чашка с бульоном, но женщина к ней даже не при-
тронулась.

Генри наблюдал за её отражением в колонне в течение пяти минут.

Она не смотрела в иллюминатор на уходящую полосу берега. Она не разглядывала других пассажиров с обычным женским любопытством. Каждые тридцать секунд её взгляд с абсолютной, почти механической регулярностью скользил от входных дверей к служебному проходу официантов, фиксируя каждое новое лицо.

Её осанка оставалась безупречно прямой. Она не опиралась на спинку кресла. А пальцы правой руки, лежавшие на скатерти рядом с вилок, покоились в крайне специфической позиции: указательный палец был слегка согнут и отведен в сторону от остальных, а на первой фаланге отчетливо просматривалась сухая, пожелтевшая мозоль.

Генри видел такие мозоли сотни раз. Это был след от регулярного контакта с рифленным металлом спускового крючка или предохранителя служебного оружия.

На краю её стола лежала карточка с номером каюты и именем: Miss Emily Grant.

В какой-то момент женщина, не поворачивая головы, изменила угол взгляда. В отражении полированной колонны её серые глаза встретились со взглядом Генри.

Она не смутилась и не отвела взор. Медленно повернувшись в кресле, она посмотрела на Генри напрямую.

— Вы весьма внимательно изучаете присутствующих, сэр, — произнесла она. Её голос прозвучал тихо.

Генри спокойно положил салфетку на край стола и слегка наклонил голову.

— Прошу прощения, если мои действия показались вам нескромными. Это не более чем старая бытовая привычка.

— Привычка замечать детали? — её бровь чуть заметно приподнялась.

— Привычка смотреть немного больше, чем требуется для обычной вежливости, — ответил Генри. — Впрочем, вы делаете абсолютно то же самое с момента, как сели за этот стол.

В её серых глазах на долю секунды вспыхнул острый, оценивающий интерес. Она едва заметно кивнула, будто фиксируя полученный ответ.

— Что ж, тогда мы оба виновны в нарушении правил светского тона.

— Возможно, — спокойно констатировал Генри. — Главное — чтобы это не портило аппетит.

Она не стала продолжать разговор. Кивнув ему ещё раз, она повернулась к своему столу и взяла ложку.

Генри вернулся к завтраку. Он не знал, кто эта женщина и почему детективные повадки проступают сквозь её скромное платье, но дал себе мысленное обещание: я отдыхаю, это не моя работа.

К двум часам дня Генри поднялся в библиотеку на палубе D.

Библиотека «Aurelia» располагалась в кормовой части судна. Это было высокое, тихое помещение, обшитое тёмным дубом. Вдоль стен тянулись тяжелые книжные шкафы со стеклянными дверцами, за которыми ровными рядами стояли книги в тёмных кожаных переплетах. За большими полукруглыми окнами простиралась свинцово-серая, бесконечная гладь океана. Накапывал мелкий дождь.

Генри выбрал глубокое кожаное кресло в дальнем, наименее освещенном углу зала, достал с полки один из томов британской морской истории и погрузился в чтение.

Прошло около получаса. Тихое шуршание страниц прервал размеренный шаг.

К соседнему столу подошел пожилой джентльмен. На нём был тёмно-серый фланелевый костюм, на носу сидели очки в тонкой золотой оправе, а седая борода была аккуратно подстрижена. В руках он держал открытую книгу.

Джентльмен мельком взглянул на корешок книги в руках Генри и слегка улыбнулся.

— Прекрасный выбор, сэр. История нашего флота — пожалуй, единственное, что в наше время сохраняет абсолютную логику.

Генри заложил страницу пальцем и поднял взгляд.

— Согласен с вами. В старых отчетах меньше тумана, чем в сегодняшних газетах.

— Меня зовут Артур Белл, — произнес пожилой человек, опускаясь в соседнее кресло и аккуратно кладя свою книгу на стол. — В прошлом — судебная практика в Лондоне, а ныне — обычный пассажир, спасающийся от столичной сырости.

— Генри Рид, — ответил Генри. — В прошлом — полиция, ныне — частный... — Генри на секунду замолчал, — а ныне — пассажир этого прекрасного судна.

При слове «полиция» Белл чуть поправил очки, и его взгляд стал более цепким.

— Полиция... Да, в вашей выправке это чувствуется, мистер Рид. Полагаю, вы тоже успели оценить это плавающее святилище роскоши? Томас Вейл не пожалел средств. Впрочем... — Белл понизил голос, слегка наклонившись в сторону Генри, — роскошь — прекрасная ширма. Вы не находите, что наш капитан Грант выглядит несколько озабоченным?

— Он производит впечатление человека, на которого возложили строгие обязательства, — сдержанно заметил Генри.

— Именно! — тихо подхватил Белл. — Грант — отличный моряк, но он здесь новичок. А Вейл... Вейл привык, чтобы всё шло строго по его сценарию. Но океан, мистер Рид, не подчиняется советам директоров.

Разговор был прерван резким, громким звуком.

Дверь библиотеки распахнулась, и в помещение вошел мужчина лет тридцати семи. На нём был броский костюм в крупную клетку, на пальце блестел массивный перстень с бриллиантом, а из угла рта торчала тлеющая сигара.

Мужчина небрежно стряхнул пепел прямо на паркетный пол, оглядывая зал с развязным хозяйским видом.

— Извините, господа, если помешал вашему философскому клубу! — громко произнес он, оскалив ровные, слишком белые зубы. — Не подскажете, где носит нашего распрекрасного владельца? Ищу Вейла. У нас незавершенный разговор по поводу поставок.

Артур Белл поморщился от сигарного дыма и промолчал.

Генри посмотрел на вошедшего спокойным, тяжелым взглядом.

— Мистер Вейл поднялся на верхнюю палубу около часа назад, — произнес Генри сухо. — В библиотеке его нет.

Мужчина выпустил густую струйку дыма, осмотрел Генри взглядом с ног до головы, задержавшись на его старомодном галстуке, и хмыкнул.

— Что ж, поищу миллионера. Бизнес не ждет, господа!

Он развернулся и вышел, громко хлопнув тяжелой дубовой дверью.

Артур Белл вздохнул и вытер очки носовым платком.

— Дэниел Кросс, — произнес Белл с глубоким отвращением. — Коммерсант из Манчестера. Человек, у которого амбиций гораздо больше, чем здравого смысла. В судейских кругах говорят, что его фирмы перезаложены, и если эта поездка не принесет ему новых контрактов с Вейлом, его ждет долговая тюрьма. Но, как видите, он изо всех сил делает вид, что владеет миром.

Генри ничего не ответил, лишь слегка наклонил голову. Он запомнил имя. Человек на грани краха всегда представляет опасность, особенно когда пытается играть роль преуспевающего дельца.

К шести часам вечера качка ощущалась уже в полную силу.

Атлантика встретила «Aurelia» встречным ветром и тяжелой океанской зыбью. Корпус судна медленно поднимался на темно-свинцовых волнах и с глухим шумом опускался вниз, осыпая иллюминаторы палубы С белыми брызгами.

Генри стоял на прогулочной палубе F, глубоко застегнув пальто. Прохладный, сырой ветер приятно освежал голову. Палуба была почти пуста — большинство пассажиров спасались от морской болезни в своих каютах.

Укрывшись от порывов ветра в тени массивной спасательной шлюпки номер четыре, Генри слушая рев океана.

Вдруг тяжелая дверь, ведущая из коридора VIP-люксов палубы E, с грохотом распахнулась.

На палубу выбежала молодая женщина. На ней был лёгкий плащ, наброшенный поверх вечернего платья, а волосы растрепались от ветра. Генри узнал её мгновенно — это была та самая девушка в рубиновом пальто, которая ждала у трапа в порту.

Спустя секунду из той же двери вышел Томас Вейл.

Вейл двигался быстро, полы его пиджака развевались на ветру, но лицо сохраняло жестокое, сжатое выражение. Он огляделся по сторонам, но из-за корпуса шлюпки не заметил стоящего в тени Генри.

— Лидия, вернись в каюту! — сдерживая голос, но с острейшей злобой произнес Вейл, хватая женщину за рукав у самого поручня. — Ты ведешь себя как законченная дура!

— Я?! — женщина резко повернулась к нему, её голос сорвался на фальцет. — Ты обещал мне, Томас! Ты клялся, что на этом рейсе мы будем вместе! А теперь приехала твоя Маргарет, и ты выбрасываешь меня, как ненужный чемодан?! Ты даже не зашел ко мне!

Вейл сжал её запястье так сильно, что девушка поморщилась.

— Замолчи! — его серые глаза превратились в две холодные щели. — Маргарет приехала без предупреждения. Ты будешь сидеть в своей каюте и не высунешь носа до самого Саутгемптона! Если она хоть о чем-то догадается, я вышвырну тебя без единого пенни!

— Ты боишься её... — выдохнула Лидия, глядя ему прямо в глаза с ненавистью и слезами. — Ты боишься своей благочестивой женушки больше, чем полиции! Но не думай, что я буду молчать, Вейл! Я знаю, зачем судно ходило на модернизацию! Я знаю про конструкции под нижними каютами!

Вейл сторяча притянул её к себе за воротник плаща, его лицо оскалилось.

— Если ты произнесешь еще хоть слово про конструкции или груз, Лидия... клянусь богом, ты не доедешь до Англии. Ты меня поняла?

Он резко отпихнул её.

Девушка всхлипнула, прижала ладонь к губам и, спотыкаясь на качающейся палубе, побежала к служебной лестнице.

Томас Вейл остался у поручня. Он тяжело дышал. Поправил съехавший галстук, достал белоснежный платок, вытер проступивший на лбу пот. Затем медленно, несколько раз глубоко вдохнул соленый воздух, полностью вернув своему лицу привычную маску светского спокойствия, развернулся и пошел обратно в теплые коридоры лайнера.

Генри Рид выждал ровно минуту.

Затем он вышел из тени спасательной шлюпки. Ветер обжег ему лицо.

Генри поднял левую руку, оттянул манжету пальто и посмотрел на наручные часы.

Стрелки показывали 18:26. На корабельных часах было 18:30.

До первого официального вечернего ужина оставалось полтора часа. Тайны этого судна начинали выходить наружу гораздо быстрее, чем надеялся мистер Генри Рид, простой пассажир каюты двести четырнадцать.

ГЛАВА 2

ВЕЧЕР В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Когда Генри вернулся в каюту двести четырнадцать, серое океанское небо за круглым иллюминатором уже окончательно угасло, превратившись в глухую, непроницаемую черную тьму, за которой угадывался лишь буйный бег морской пены по вершинам волн.

Генри закрыл за собой дубовую дверь каюты и повернул в замочной скважине тяжелый латунный ключ. Механизм отозвался сухим, чистым щелчком, который на секунду заглушил глубокий, ровный гул, шедший, казалось, отовсюду — из-за резных стеновых панелей, из-под настила пола.

За круглым иллюминатором стояла непроницаемая черная тьма. В ней невозможно было разглядеть границу между водой и небом, но океан напоминал о себе с каждым новым движением судна.

Качка становилась все более размашистой, тяжелой и глубокой. Корабль не просто переваливался с боку на бок — его нос медленно, с тяжелым натужным гулом поднимался вверх, на мгновение застыл в высшей точке, а затем со скользким, вибрационным толчком уходил вниз, так что соленая вода за бортом со свистом и шипением заливала толстое стекло иллюминатора почти до самого верха. Где-то в глубине стены, за резными дверцами орехового шкафа, ритмично и сухо скрипели стальные балки корпуса, притирающиеся друг к другу под огромным давлением океанской зыби.

Генри не стал зажигать верхний электрический плафон. Он подошел к письменному столу, нашел на латунной ножке настольной лампы некрупный поворотный выключатель и повернул его. Зеленый стеклянный абажур мгновенно налился мягким, сочным светом, отбросив ровный круг на полированное дерево столешницы и фаянсовый умывальник в углу.

Он расстегнул пуговицы пальто, снял его, разгладил ладонями шерсть на плечиках и аккуратно повесил в шкаф. Пальцы на секунду зацепили плотный угол кожаного блокнота, торчавший из внутреннего кармана, но Генри тут же убрал руку, затворив дверцу.

Его взгляд задержался на прямоугольном зеркале, вделанном в стенную панель над умывальником. Из зеркала на него смотрел человек сорока восьми лет с глубокими носогубными складками, сединой на висках и абсолютно сухими, спокойными карими глазами. В этих глазах не было азарта искателя тайн. В них читалась только профессиональная усталость человека, который за годы работы в полиции привык видеть, как за внешне благополучными фасадами чужих семейных жизней постепенно прогнивают и рушатся несущие конструкции.

Слова, подслушанные на прогулочной палубе из-за корпуса спасательной шлюпки, всё ещё отдавались в памяти с абсолютной отчетливостью. Раздраженный, сорвавшийся голос молодой женщины в плаще и холодный, удушающий отпор судовладельца складывались в слишком понятную цепочку.

«Зачем судно ходило на модернизацию... Конструкции под нижними каютами...»

Генри не требовалось долго размышлять, чтобы понять смысл этой фразы. На практической службе в портах Бристоля и Лондона ему приходилось сталкиваться с судовладельцами, которые при перестройке трюмов оставляли между двойным дном или за обшивкой пассажирских коридоров узкие, незафиксированные в официальных чертежах полости. В таких местах везли всё, за что не хотелось платить пошлину или что вообще не должно было пересекать границу. Но Томас Вейл не казался мелким контрабандистом, рискующим ради пары ящиков сомнительного товара. Вейл владел «Aurelia» — лучшим лайнером линии, символом бри-

танской флотской роскоши. Рисковать подобным предприятием ради банальной контрабанды казалось логическим абсурдом. Если только этот груз не стоил дороже самого корабля.

Генри остановил ход собственных мыслей. Он подошел к фаянсовой раковине, повернул правый латунный кран. Потекла тонкая струя холодной воды. Он тщательно вымыл руки, вытер их жестким вафельным полотенцем, а затем сменил дневную рубашку на свежую, с твердым стоячим воротничком для торжественного ужина.

Оттянув манжету левого рукава белой рубашки, он взглянул на запястье.

Потёртый тёмно-коричневый кожаный ремешок плотно облегал руку. Белый циферблат под плоским стеклом наручных часов показывал 19:11. Генри знал: на хронометре, закрепленном над Парадной лестницей, сейчас ровно 19:15. Четыре минуты разницы. Он расправил шерстяной манжет тёмно-синего вечернего пиджака, проверил в зеркале, ровно ли сидит узкий тёмный галстук, и вышел из каюты, аккуратно заперев дверь на ключ.

Парадная лестница к началу вечернего ужина превратилась в главное зрелище судна.

Электрические бра в латунных оправах горели в полную силу, отражаясь в огромных овальных зеркалах на каждой промежуточной площадке. Никаких лифтов на «Aurelia» принципиально не было — судовладелец считал их шумящими фабричными механизмами. Отсюда, с высоты палубы С, Генри видел, как по дубовым ступеням, глушащим шаги благодаря толстому кремовому ковру, медленно спускается фешенебельная публика первого и второго классов.

Дамы в тяжелых бархатных и шелковых вечерних платьях с длинными шлейфами вынуждены были судорожно придерживаться за полированный деревянный поручень при каждом накренении корпуса. Их спутники в строгих чёрных фраках и смокингах пытались демонстрировать непринужденную светскую неприступность, хотя многие из них заметно бледнели, ощущая, как массивный марш лестницы мягко уходит вниз, проваливаясь в океанскую зыбь.

Генри спускался не торопясь, держись левой стороны и вежливо давая дорогу пожилой даме в шали, которая с трудом переставляла ноги.

В зеркале на развороте палубы D появилось отражение четы Вейлов.

Томас Вейл вел свою жену под руку. На Маргарет было вечернее платье из тёмно-изумрудного плотного бархата с глухим воротником, доходившим до самого подбородка, и единственная нить крупного, матового жемчуга на шее. Её седеющие волосы были уложены в безупречно гладкую, высокую причёску. Она спускалась по качающимся ступеням с той же абсолютной, сухой грацией, с какой утром поднималась по мокрому трапу в порту.

Вейл слегка наклонялся к её плечу, что-то тихим, доверительным тоном говоря жене и ровно улыбаясь встречавшимся пассажирам. Но Генри, шедший чуть позади и наблюдавший за их парой сквозь полированное стекло зеркала сверху, подметил движение его правой руки: пальцы Вейла, сжимавшие локоть Маргарет, были натянуты от сильного напряжения, а сам владелец судна каждые несколько секунд бросал быстрый, колющий взгляд вниз по маршу, словно выискивая в толпе яркое рубиновое пальто.

Девушки в рубиновом пальто — Лидии Шоу — на Парадной лестнице не было.

У входа в Главный ресторан образовалась задержка. Главный судовой администратор, одетый в парадный темный китель с золочеными галунами, стоял у двухстворчатых дубовых дверей и лично сверял фамилии пассажиров со специальной рассадочной картой на латунной подставке.

Генри миновал вход и прошел к своему столику у белой колонны по правому борту.

Официанты в белоснежных перчатках уже успели зажечь на столах небольшие электрические светильники под кремовыми шелковыми абажурами, отчего огромный зал с высокими потолками погрузился в мягкий, камерный полумрак. За широкими прямоугольными окнами бортов ревел и бился океан, но тяжелые кремовые шторы с кистями были плотно задернуты, создавая иллюзию абсолютной защищенности.

За большим круглым столом в самом центре зала, прямо под центральной хрустальной люстрой, разместилось капитанское общество.

Там сидел Томас Вейл с Маргарет. По левую руку от владельца судна восседал капитан Эдвард Грант. Капитан был в парадном флотском кителе, его сухие плечи оставались абсолютно неподвижными, а подбородок упирался в жесткий воротник. Грант почти не прикасался к еде, лишь периодически делал глоток из бокала с минеральной водой и периодически переводил взгляд на круглые карманные часы, лежавшие на скатерти прямо возле его приборов. В его суровой осанке проглядывало глубокое внутреннее беспокойство человека, привыкшего отвечать за судно, но вынужденного играть роль статиста на празднике богатых людей.

Генри перевел взгляд на левую сторону зала, где у самой стенной панели располагались столики на одного человека.

Там сидела Лидия Шоу.

На ней было вечернее платье тёмно-бордового цвета с открытыми плечами, но её внешний вид резко контрастировал с праздничным настроением зала. Лицо девушки выглядело воспаленным, веки слегка припухли от недавних слез, а губы были сжаты в узкую нить. Она не притрагивалась к поданной рыбе, лишь ритмично, с легким металлическим звоном стучала серебряной ложечкой по краю фарфоровой тарелки. Её взгляд — тяжелый, неподвижный, полный затаенной ярости — был прикован к затылку Томаса Вейла, сидевшего в тридцати шагах от нее.

Генри посмотрел чуть дальше по ряду.

За столиком у третьего окна сидела женщина, назвавшаяся в списке пассажиров Эмили Грант.

На ней было скромное серое платье из плотной шерстяной ткани с простым белым воротничком — наряд, совершенно не соответствовавший статусу торжественного вечернего ужина. Однако, казалось что мисс Грант это не смущало. Она ела молча, аккуратно резала мясо точными, экономными движениями и с той же регулярностью, которую Генри подметил еще днём, каждые полминуты сканировала зал. Когда её взгляд упал на Маргарет Вейл, женщина замерла с поднятой вилкой, зафиксировала жену владельца судна в течение трех секунд, а затем так же спокойно вернулась к тарелке.

Генри приступил к ужину. Подавали запеченную камбалу с картофельным пюре и легкий прозрачный бульон. За соседними столами шла неторопливая светская беседа: джентльмены обсуждали падение цен на хлопок, дамы хвалили игру судового струнного квартета, расположившегося на возвышении у рояля, и делились рецептами от морской болезни.

Когда официант убрал тарелку, к столику Генри подошел стюард с круглым серебряным подносом.

— Коньяк от администрации судна, сэр? — вежливо произнес слуга, чуть наклоняясь. — Мистер Вейл просил угостить господ пассажиров первого и второго классов в честь нашего первого вечера в открытом океане.

На подносе стоял пузатый хрустальный бокал, в котором переливался тёмно-янтарный напиток.

Генри слегка качнул головой:

— Благодарю вас, но я не пью алкоголь. Принесите, пожалуйста, свежесваренный чёрный чай. В фарфоровой чашке, без сахара и без лимона.

Стюард на секунду замаялся, словно удивленный отказом от дорогого напитка, но тут же подтянулся:

— Будет исполнено через две минуты, сэр.

Генри остался ждать. Через пару минут на скатерти появилась фарфоровая чашка с темным, дымящимся чаем. Генри сделал маленький глоток, ощущая знакомую горьковатую терп-

кость индийского листа. Бытовой порядок, нарушенный штормом и чужими драмами, хотя бы на эти десять минут был восстановлен.

После ужина большинство пассажиров переместилось из ресторана в главный музыкальный салон на палубе D.

Это было самое просторное и богато украшенное помещение на лайнере. Пол здесь покрывал тяжелый персидский ковер с густым ворсом, полностью глушивший стук каблуков и смягчавший толчки качки. Вдоль стен, обшитых тёмным полированным буком, стояли глубокие диваны и кресла, обтянутые тёмно-зеленым бархатом. В углу, у высокой зеркальной стойки, судовой бармен в белоснежном смокинге беспрестанно смешивал напитки, а у дальней стены возвышался концертный рояль.

За роялем сидел судовой пианист в черном фраке. Он тихо, ненавязчиво наигрывал популярные регтаймы, сглаживая шум шторма за окнами.

Генри выбрал глубокое кожаное кресло в углу салона, неподалеку от бокового выхода на галерею. Отсюда хорошо просматривался весь зал, а мягкое освещение бра не резало глаза.

Через пару минут к нему подошел Артур Белл. Бывший судья держал в руках фарфоровую чашку с черным кофе и смотрел на публику сквозь стекла своих очков в тонкой золотой оправе с суховатой иронией.

— Позвольте присоединиться, мистер Рид? — произнес Белл, указывая на соседнее кресло.

— Разумеется, мистер Белл. Садитесь.

Пожилой юрист опустился в кресло, аккуратно поставил чашку на круглый столик и выпрямил спину.

— Чудесный вечер, не правда ли? — Белл понизил голос, слегка наклонившись к Генри. — Вы замечаете этот тончайший слой нервозности, который пробивается сквозь блеск латуни и запах дорогого табака?

— Качка увеличивается, — спокойно ответил Генри, делая глоток чая. — Океан всегда заставляет людей чувствовать себя менее уверенно.

— О, дело не только в океане, — Белл качнул головой и бросил короткий взгляд в центр салона. — Посмотрите на миссис Вейл. Удивительная женщина. Появиться на корабле без предупреждения, словно персонаж из древней трагедии, и вести себя так, будто она полностью контролирует ситуацию.

Генри посмотрел туда, куда указывал взгляд судьи.

Маргарет Вейл сидела на бархатном диване в окружении двух пожилых дам в шелках. Она вежливо слушала их рассуждения о лондонских театральных премьерах, периодически слегка наклоняя подбородок. Но Генри подметил: её кисти, сложенные на коленях, оставались абсолютно неподвижными. В её позе не было ни капли расслабленности человека, отдыхающего в салоне.

В этот момент от барной стойки к центральному дивану громким, неуверенным шагом направился Дэниел Кросс.

Коммерсант из Манчестера был уже сильно пьян. Его клетчатый пиджак расстегнулся, узел галстука съехал в сторону, а лицо налилось тяжелым, багровым румянцем. В правой руке он сжимал полупустой стакан с виски.

— Вейл! — громко выкрикнул Кросс, игнорируя тихую музыку рояля. — Нам нужно выпить за успех твоего плавающего дворца!

Он бесцеремонно опустился в кресло прямо напротив Томаса Вейла, едва не задев полы платья миссис Вейл.

Томас Вейл едва заметно нахмурился. На его выточенном лице на долю секунды вспыхнуло выражение глубочайшего брезгливого отвращения, но владелец судна тут же взял себя в руки.

— Мистер Кросс, сейчас вечер, и мы находимся в обществе дам, — проговорил Вейл ровным, сухим и абсолютно ледяным тоном. — Все деловые вопросы мы обсудим завтра в моем кабинете на палубе Е. После одиннадцати утра.

— Завтра?! — Кросс с силой стукнул стаканом по дереву столика, так что хрусталь звякнул. — Ты обещал мне окончательный разговор еще в порту, Вейл! Мои склады в Манчестере не могут ждать твоих завтраков!

Капитан Грант, стоявший у близлежащей колонны, мгновенно сделал шаг вперед, его лицо окаменело, но Томас Вейл остановил его легким, повелительным жестом руки.

— Вы пьяны, мистер Кросс, — тихо, но так, что слова отчетливо прозвучали в наступившей тишине салона, произнес Вейл. — Стюард сейчас проведет вас в вашу каюту. Не позорьте себя и не мешайте обществу.

Кросс поднялся с кресла. Его кулаки сжались, тяжелое дыхание было слышно за несколько шагов. На секунду Генри показалось, что пьяный коммерсант ударит владельца судна. Но под строгим, немигающим взглядом капитана Гранта и при молчаливом, ледяном осуждении окружающих джентльменов Кросс сдал назад.

— Ты пожалеешь об этом, Вейл... — прошипел Кросс сквозь зубы, вытер рот тыльной стороной ладони и, спотыкаясь на качающемся персидском ковре, пошел к выходу из салона.

Артур Белл покачал головой и тихо вздохнул:

— Человек, доведенный до отчаяния, опасен, мистер Рид. В судейской практике я видал сотни таких Кроссов. Он разорен. И если Вейл не даст ему отсрочку по обязательствам, этот малый способен на любую глупость.

— Отчаяние часто путают с решительностью, — заметил Генри.

Генри перевел взгляд на левый угол салона.

Лидия Шоу стояла у барной стойки. Она залпом допила остатки шампанского из бокала, бросила на Томаса Вейла короткий взгляд, полный ядовитой, нескрываемой ненависти, резко развернулась и покинула салон сквозь боковую дверь, ведущую к вспомогательной служебной лестнице.

Через несколько минут с бархатного дивана поднялась Маргарет Вейл.

Она вежливо извинилась перед своими собеседницами, слегка приложила кончики пальцев к виску и произнесла достаточно громко, чтобы её услышал муж:

— Простите, судари. Морская качка начинает вызывать у меня легкое недомогание. Я поднимусь к себе в люкс, чтобы отдохнуть.

Томас Вейл мгновенно поднялся с кресла, подошел и сухими губами прикоснулся к её пальцам:

— Прислать к тебе доктора Прайса, Маргарет?

— Нет, Томас. Мне нужен только покой, — ответила Маргарет абсолютно ровным голосом.

Маргарет Вейл покинула Главный музыкальный салон. И Генри проводил её взглядом, отметив мысленно, что она предпочла служебный маршрут Парадной лестнице.

Пройдя несколько десятков шагов по служебному пассажу, Маргарет свернула к судовому лазарету.

Доктор Прайс ещё не успел закрыть дверь.

— Доктор, простите, что беспокою вас после ужина, — произнесла Маргарет. — Я бы хотела помочь пассажирам, которые страдают от качки.

Прайс устало поднял глаза.

— Если речь идёт о морской болезни, я могу дать обычное успокаивающее средство.

— Именно этого я и хотела.

Маргарет говорила спокойно, без малейшей поспешности.

Через минуту она уже держала небольшой флакон.

— Благодарю вас, доктор.

— Только не давайте больше, чем указано на этикетке, миссис Вейл.

— Разумеется.

Маргарет убрала флакон в небольшую вечернюю сумочку и вышла из лазарета.

К этому времени шторм за бортами «Aurelia» набрал полную силу.

Ветер с диким свистом ревел сквозь стальные снасти и вентиляционные трубы верхней палубы. Огромные свинцово-черные волны с гулким, тяжелым треском обрушивались на левый борт, а соленые брызги непрерывно барабанили по толстым стеклам закрытых палубных галерей.

Генри решил сделать короткую прогулку перед сном, чтобы подышать свежим воздухом.

Он надел пальто, поправил шляпу и вышел на крытую прогулочную галерею палубы D. Палуба была погружена в полутьму — горели только редкие тусклые фонари в защитных решетках. Воздух здесь был пропитан диким соленым ветром, сыростью и запахом намокшей тиковой доски.

Генри медленно шел вдоль борта, крепко держась за прочный дубовый поручень. Качка была сильной: пол буквально уходил из-под ног, а затем резко взмывал вверх, заставляя мышцы работать с привычной полицейской выправкой.

Пройдя метров тридцать, Генри остановился у освещенного прямоугольного окна, выходявшего во внутренний служебный коридор палубы C.

Внутри коридора, у самого входа в проход к каютам третьей секции, стояла женщина, назвавшаяся Эмили Грант.

Она была уже без своего серого обеденного платья. На ней был темный, неброский путешественный костюм мужского кроя, а в правой руке она сжимала небольшой саквояж из темной кожи.

Эмили стояла у стены, выжидая. Генри видел сквозь стекло, как она выждала несколько секунд, пока молодой стюард с подносом не скрылся за поворотом к кухне. Затем она быстро, абсолютно бесшумно скользнула в глухой коридор, ведущий напрямую к каюте 317.

Генри наблюдал за ней сквозь покрытое каплями стекло.

Её движения были точными, выверенными и не содержали ни единого лишнего жеста. Человек, идущий к себе в каюту спать после ужина, так не передвигается. Она шла на дело. Она знала, что именно ищет на этом судне, и намеревалась проверить это немедленно, пока большинство пассажиров спасается от шторма в салонах или мучается от качки.

Генри перевел дыхание. Холодный морской ветер обжег ему лицо.

Он не стал окликать её и не сделал движения в её сторону. Это была чужая игра, в которой у него не было роли.

Маргарет остановилась перед дверью каюты 317 и постучала.

Ответ последовал не сразу.

— Кто там?

— Маргарет Вейл. Простите за поздний визит. Я заметила вас за ужином. Вы выглядели немного бледной.

После короткой паузы дверь открылась.

Девушка стояла на пороге, придерживаясь рукой за косяк.

— Я в порядке, миссис Вейл.

— Конечно. Но после такого шторма многие чувствуют себя хуже, чем хотят показать.

Маргарет улыбнулась почти матерински.

— Я принесла вам немного успокаивающего средства. Оно должно помочь вам заснуть.

Девушка поколебалась, но затем впустила её.

Около десяти часов вечера Генри вернулся в свою каюту двести четырнадцать.

В коридорах палубы С висела глухая, тяжелая тишина, нарушаемая лишь гулом океана за бортом да ровным, глубоким ритмом судовых машин.

Генри снял пальто, аккуратно повесил его в шкаф. Оттянул манжету белой рубашки и посмотрел на стрелки наручных часов. Они показывали 21:56. Значит, реальное время на корабле было ровно 22:00.

Он не стал зажигать верхний свет. Налил из фаянсового графина чистой воды в стакан, сделал несколько медленных глотков.

Затем лег на односпальную кровать, подтянув тёмно-синее шерстяное покрывало до самого подбородка.

Корабль качало. В темноте каюты все предметы жили своей тихой жизнью: слегка поскрипывала перегородка, в гнезде едва слышно звякал стакан, за толстым стеклом иллюминатора ревел штормовой океан.

Генри закрыл глаза, мысленно перебирая весь день.

Я выполнил свой дневной план. Не сделал ни одной записи в блокнот. Не задал ни одного лишнего вопроса.

Генри Рид заснул под гул атлантического шторма, искренне веря, что завтрашний день принесет ему обещанный покой, кипяток в семь тридцать утра и спокойное чтение в библиотеке.

ГЛАВА 3

КАЮТА ТРИСТА СЕМНАДЦАТЬ

Генри проснулся ровно в семь часов пятнадцать минут по собственным наручным часам.

В каюте двести четырнадцать висел плотный, сырой полумрак. За толстым стеклом иллюминатора по-прежнему не было видно ни берега, ни горизонта — только свинцово-черная, взбаламученная океанская вода, которая ритмично обрушивалась на борт, заливая стекло белой пеной. Шторм, бушевавший всю ночь, слегка утих, но глубокая зыбь продолжала раскачивать гигантский корпус «Aurelia». Корабль медленно поднимался на очередной волне, замирал, а затем плавной дугой уходил вниз.

Генри поднялся с кровати, ступив босыми ногами на прохладный настил пола.

Его тело, привыкшее за годы полицейской службы к жесткой дисциплине, не требовало времени на раскачку. Он подошел к умывальнику, открутил латунный кран и набрал в фаянсовую чашу холодной воды. Вода обожгла лицо, выбивая остатки тяжелого ночного сна. Генри тщательно вымылся, вытерся жестким вафельным полотенцем и приступил к утреннему туалету.

Каждое его движение было доведено до автоматизма десятилетиями бытовой привычки. Он надел идеально выглаженную белую рубашку с твердым крахмальным воротничком, привычным узлом завязал тёмно-синий галстук, застегнул пуговицы тёмно-серого шерстяного жилета и надел брюки. Затем оттянул манжету белого рукава и посмотрел на запястье.

Наручные часы показывали ровно семь часов двадцать шесть минут.

На корабельном хронометре у Парадной лестницы сейчас было семь тридцать. Разница в четыре минуты оставалась неизменной, как и в любой другой день его жизни.

Когда Генри закончил одеваться, в дверь каюты коротко и вежливо постучали. Три сухих, одинаковых по силе удара.

— Войдите, — произнес Генри, поправляя отвороты жилета.

Дверь отворилась. На пороге стоял молодой стюард Хьюз. На парне была свежая синяя куртка с блестящими латунными пуговицами, а в руках он держал круглый поднос из никелированной латуни, на котором белел маленький фарфоровый чайник, овеянный тонкой струйкой чистого пара.

— Доброе утро, сэр, — Хьюз подтянулся, держа поднос с безупречным судовым равновесием, несмотря на качку. — Семь тридцать. Крутой кипяток, как вы заказывали.

— Доброе утро, Хьюз. Благодарю вас, — Генри указал взглядом на край письменного стола.

Стюард аккуратно поставил чайник на салфетку. Генри достал из саквояжа свой собственный плоский бумажный сверток с индийским листовым чаем, насыпал две точные ложки в фарфоровый заварник, залил кипятком до самого ободка и накрыл крышкой.

Затем он взглянул на часы. Заварка требовала ровно четырех минут. Ни секундой больше, ни секундой меньше.

Хьюз задержался у порога, переминаясь с ноги на ногу и поправляя манжету. На его веснушчатом лице проступало легкое, недоговоренное беспокойство.

— Что-то случилось на палубе, Хьюз? — спокойно спросил Генри, откладывая ложку.

Стюард мельком оглянулся на пустой коридор, словно опасаясь, что его услышат старшие чины, и понизил голос:

— Да нет, сэр... То есть ничего страшного. Просто шторм ночью был сильный. В третьей секции у пары пассажиров смыло за борт сушившиеся вещи, а в ресторане побилось немного хрусталя. Но качка уже спадает. К полудню капитан обещал ровный курс.

— Понятно, — Генри кивнул. — Спасибо за кипяток, Хьюз.

— Приятного чаепития, сэр.

Стюард вышел и бесшумно прикрыл за собой дверь.

Генри остался один. Ровно через четыре минуты он налил в фарфоровую чашку густой, тёмно-янтарный чай. Горьковатый терпкий вкус индийского листа вернул ему полное ощущение контроля над собственным утренним распорядком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.